

УДК 398.22(=221.18)
DOI 10.25587/r7631-4202-6161-e

М. В. Дарчиева

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева

ОРНИТОМОРФНАЯ СИМВОЛИКА В ОСЕТИНСКИХ «КАДАГАХ О НАРТАХ»

Аннотация. Универсальные культурные коды исходят из древнейших архетипических представлений человека и при этом обладают национальной спецификой. Интерес для нас представляет биоморфный код культуры в фольклорных текстах. Целесообразным является рассмотрение орнитоморфной символики, поскольку главные художественные образы связаны с окружающей создателя и исполнителя эпоса природой и являются частью этнических представлений о мироустройстве. Актуальность избранной темы обосновывается отсутствием комплексных исследований по проблеме репрезентации биоморфного кода культуры в осетинском фольклоре. Целью научной работы является выявление орнитоморфной символики и мифологических представлений, связанных с образами птиц, на материале осетинских «Кадагов о Нартах». Методические подходы обусловлены целью и задачами исследования и носят комплексный характер. В работе применены методы научного описания с приемами наблюдения, системного анализа и синтеза, а также сравнительно-сопоставительный и структурно-семантический методы, широко используемые для выявления типологической специфики национальной культуры.

В осетинском эпическом фольклоре птица обладает медиаторскими функциями, являясь посредником между миром небожителей и миром нартов. Мифологический образ птицы расширяет свою семантику за счет сюжетов, где птица выступает помощником человека, участвуя в судьбоносных событиях. Кроме того, птица в «Нартиаде» связана с мотивом оборотничества: в птиц превращаются как небожители, так и герои-нарты. Биполярный характер орнитоморфных фольклорных образов обусловлен их архаичностью, а также ассоциативно-образным мышлением их создателей. Характерно, что наряду с образами животных в создании идеализированной картины мира важную роль играет и орнитоморфная символика. Так, в осетинском эпосе ярко представлены образы орла и других хищных птиц, а также ласточки. Реже в кадагах встречаются ворон, сова, голубь, трясогузка и домашние птицы.

Исследование представляется перспективным для дальнейшего изучения вопросов биоморфного кода не только в эпическом, но и в других жанрах осетинского фольклора, а также в национальной культуре в целом.

Ключевые слова: фольклор, осетинский эпос, «Кадаги о Нартах», зооморфный код культуры, мифология, образ птицы, мотив превращения, орел, ласточка, голубь, сова, домашние птицы.

М. V. Darchieva

Ornithomorphic symbolism in the Ossetian *Nart Kadags*

Abstract. Universal cultural codes come from the most ancient archetypal ideas of a person and at the same time national specifics. The biomorphic code of culture in folklore texts is interesting for us. It is advisable to consider ornithomorphic symbolism, since the main artistic images are associated with the nature surrounding the creator and performer of the epic, and these images are the part of ethnic ideas about the world order. The relevance of the chosen topic is justified by the lack of comprehensive research on the problem of representing the biomorphic code of culture in Ossetian folklore.

ДАРЧИЕВА Мадина Владимировна – к. филол. н., с. н. с. отдела фольклора и литературы Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра Владикавказский научный центр РАН, Владикавказ, Россия.

E-mail: m.darchieva@gmail.com

DARCHIEVA Madina Vladimirovna – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Folklore and Literature Department, V. I. Abaev North-Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research – branch of the Federal State Budgetary Institution of Science of the Federal Scientific Center Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vladikavkaz, Russia.

E-mail: m.darchieva@gmail.com

The purpose of the scientific work is to identify ornithomorphic symbolism and mythological representations associated with images of birds in Ossetian folklore based on the material of *Nart Kadags*. Methodological approaches are determined by the purpose and task of the research and are complex in nature. The work uses methods of scientific description with methods of observation, system analysis, as well as comparative and structural-semantic methods, which are widely used for the typological specifics of national culture.

In Ossetian epic folklore, the bird has mediator functions, being an intermediary between the world of celestials and the world of Narts. The mythological image of a bird expands its semantics through plots, where the bird acts as an assistant to man, participating in fateful events. In addition, the bird in *Nartiade* plays with the transformation motif: both celestials and heroes-narts turn into birds. The bipolar character of ornithomorphic folk images is formed due to their archaism, as well as the associative-figurative thinking of their creators. Along with the images of animals, ornithomorphic symbolism takes part in creating of idealized picture of the world. So, in the Ossetian epic, images of an eagle and other predatory birds, as well as a swallow, are vividly presented. The raven, owl, pigeon, wagtail and poultries are less common in the *Kadags*.

The study is promising for the further investigation of the biomorphic code not only in the epic, but also in other genres of Ossetian folklore, as well as in national culture in general.

Keywords: folklore, Ossetian epic, *Nart Kadags*, zoomorphic code of culture, mythology, image of a bird, the motif of transformation, eagle, swallow, dove, owl, domestic birds.

Введение

Этническая картина мира реализуется в системе особым образом структурированных культурных кодов. По мнению Е. Б. Бесоловой, их «оказалось возможным соотносить друг с другом по способу перевода с осетинского языка на русский через общий для них содержательный план, служащий как бы языком-посредником» [1, с. 82]. В предлагаемом исследовании внимание акцентируется на зооморфном коде культуры, составляющем часть биоморфного кода. Образы и символы природы широко представлены в фольклоре, ибо всегда были неотъемлемой частью существования человека. В этом плане не являются исключением и «Кадаги о Нартах». Цель работы состоит в том, чтобы выявить орнитоморфную символику и представления о птицах в осетинском фольклоре на материале эпических текстов. В соответствии с целью и задачами исследования в работе комплексно использованы следующие методы: сравнительно-сопоставительный и структурно-семантический, а также метод научного описания с приемами наблюдения, анализа и синтеза. Актуальность исследования обоснована возрастающим интересом к национальным культурам, а, следовательно, и фольклорной картине мира с ее традиционными особенностями и новшествами, позволяющими раскрыть этнические стереотипы понимания и оценки действительности.

В нартоведении В. И. Абаев [2, с. 230–231] обратил внимание на тесную связь нартов с животными, птицами и растениями. Некоторые зооморфные образы в осетинских фольклорных текстах были рассмотрены Ш. Ф. Джыккайты [3], А. В. Дарчиевым [4], Т. К. Салбиевым [5, с. 160–178]. Архетип орла был проанализирован Ф. М. Таказовым [6]. Вместе с тем, орнитоморфная символика и образы птиц в осетинских эпических текстах до настоящего времени не становились предметом специального рассмотрения, чем обусловлена новизна исследования.

Идеальная, гармоничная картина мира в эпических текстах

Описание идеальной, гармоничной картины мира в осетинском эпосе связано большей частью с образом Ацамаза, и, безусловно, базируется на биоморфном коде культуры, частью которого являются представления о птицах. *Маргъ* (мн. *маргътæ*) – птица, дичь; обобщающая лексема обозначения птиц в осетинском языке. Приведём некоторые примеры: *Сырдатæ, маргътæ фæдисуад кодтой Сау хохы сермаæ. Агуындаæ-рæсугъд уырдаæм скасти, уым фены стыр диссаг: маргъ кæм нæ атахти, уым маргътæй бацæуæн нал уыди; стыр цæргæстæ къуымæлдэгъд кодтой сæ базыртæй; къах кæм не 'рывæрдæуыди, уым сырдаæндагнад фæстад. Кæсы, Нарты Ацæмæз зары уадындзæй* [7, с. 380] ‘Звери, птицы стремительно поднимались на вершину Чёрной горы. Красавица Агунда взглянула туда, видит она великое чудо: там, где не пролетала птица, полно птиц; огромные орлы перебирают крыльями; там, где не ступала нога, появилась утрамбованная звериная тропа. Видит она, Нарт Ацамаз играет на свирели’¹.

¹ Здесь и далее перевод автора.

Миропорядок, устанавливающийся посредством музыки, – мотив традиционный для фольклора.

Другой ряд сюжетов, в которых присутствуют упорядоченность и гармония, – сюжеты о женитьбе нартовских героев. Так, в кадаге о женитьбе Бора читаем: *Нартæ сæ чындзы рахастой æмæ рараст ысты хæд-зилгæ асиныл захмæ. Куыд æввахс кодтой захмæ, афтæ æрдз хæлдзæгдæр кодта. Мæргъты мыггаг сæ сæрма тахти. Заххыл рахызтысты, æмæ уæд та алы мыггаг сырð систой цæуынтæ семæ* [8, с. 30] ‘Нарты забрали свою невестку и отправились [с неба] по крутящейся лестнице на землю. Чем ближе они подступали к земле, тем больше радовалась природа. Птицы кружили над ними. Ступили они на землю, и разные звери начали сопровождать их’. Далее в кадаге описывается свадьба Бора и племянницы Бога, длившаяся неделю: *Хъæды сырðтæ ‘мæ мæргътæ дæр кæрæдзимæ нал фæвнæлдтой уыцы къуыри* [8, с. 30] ‘Лесные звери и птицы не трогали друг друга в ту неделю’.

Всеобщая гармония достигается во время исполнения нартами танца *симд*: *Хæхты уонг кæмттæ нæрыдысты се мдзæгъдмæ, дæттæ сæ цыд фæурæдтой, сырðтæ ‘мæ цæм мæргътæ ‘рыхъуыстой, стæй цæм хур дæр худгæ ныккасти* [8, с. 74] ‘До самых гор ушелья гремели от их ритмичного хлопанья в ладоши в такт танцующим, реки приостановили свой ход, звери и птицы вслушивались, и солнце, улыбаясь, смотрело на них’.

Одна из характеристик эпического пространства в «Нартиаде» – защищённость [9, с. 65–73]. В случае, когда нартовские герои отправляются в завоевательные походы, вступая в «чужое» пространство, речь идёт о **неприступности**, и выражается она различными фразеологическими сочетаниями с лексемой *цыу* – птица, птичка: *Уыдонаен сæ цæрæнбынатмæ цыу дæр нæ батæхдæн* [8, с. 33] ‘К их жилищу и птица не подлетит’; *Фидæртты дæрттæ сыхгæнут. Цыуатæхæг дæр куйнна ‘рбахиза* [8, с. 89] ‘Заприте ворота крепости. Чтобы даже летящая птица не пересекла их (букв. не вошла)’, там же далее: *Æфсад фидæрттæ сыхгæдтой æмæ цыуæрбатæхæг дæр никæй уал уагътой* [8, с. 89] ‘Войско заперло крепости и не пропускало даже летящих птиц’.

Уырызмаг отправляется пасти нартовские стада в земли Сауайнага. Услышав об этом, тот восклицает: *Мæнаен мæ сæрты цыу атæхын, мæ бынты мæлжыг абырын куы нæ уæнды, уæд бæхрæгъау чи æрыскъæрдта мæ быдырма?!* [10, с. 165] ‘У меня над головой птица боится пролететь, подо мной муравей боится проползти, кто же тогда посмел пригнать табуны лошадей в мои поля?’. Такая же реакция у *уаига* (филин), узнавшего, что Созырыко пригнал скот на его земли в поисках пастбищ: *Ардаем цыу тæхын куы нæ уæнды...* [11, с. 358] ‘Сюда ведь и птица боится лететь...’.

Даже первая земная собака, охраняя местность, не позволяла и птице пролететь: *Куыдз дæр ахæм уыдис, æмæ бæстыл цыу атæхæг нæ уагъта* [10, с. 103] ‘Гуымир-алдар спрашивает своих воинов’:

- *Арæнтæй, мыййаг, кæд ахызтысты?*
- *Цыуы фæд дæр нæй арæнтыл.* [8, с. 119]
- ‘– Может быть, они перешли границу?’
- И птичьего следа нет на границе’.

Помимо характеристики неприступности, лексема *цыу* используется и во фразеологических сочетаниях со значением **безлюдность**. *Дыггаг хатт та арвыста Уырызмаг хонджытæ: ацæут æмæ ноджыдæр адамы ‘æрхонут, цыуатæхæг дæр мауал ныуадзут* [8, с. 439] ‘Во второй раз Уырызмаг отправил приглашающих: идите и ещё пригласите людей, не оставьте даже пролетающей птицы’; ...*ардаем ничи цæуы, цыутæ æмæ зæдты йеддæмæ* [10, с. 149] ‘...сюда никто не заходит, помимо птиц и небожителей (ангелов)’. С лексемой *цыу* связана и степень **меткости охотника**: *Уæд Уырызмаеджы амонаен иу цуанон рацæуы. Ахæм фæттæ ‘хсы, æмæ арвы нæрдау нæрыны. Цыуаен йæ цæстмæ ныхъхъавы æмæ йæ ‘рыппары* [8, с. 226] ‘На счастье Уырызмага шёл один охотник. Такие стрелы он выпускает, что гремят они, словно гром. Целится он в глаз птице, и она падает замертво’.

Эпический мотив оборотничества

Как известно, мотив превращения эпического героя в птицу или зверя занимает в фольклоре особое место. Способность обернуться птицей есть у нартовского Сырдона. Лишив хитро-

стью *уаига* единственного глаза, он превращается в птицу и вылетает из пещеры, когда ослепший *уаиг* пытается расправиться с ним [8, с. 267]. В югоосетинском кадаге он, обернувшись трясогузкой, вылетает через отверстие дымохода, чтобы избежать гнева Батраза, мстящего за Уырызмага: *Уышы хъуыддаг Сырдон базыдта аемае жыбылдар фестад аемае ердойае атахти* [12, с. 94] 'Это понял Сырдон и обернулся трясогузкой и вылетел через дымоход'. Сырдон оборачивается птицей и прилетает на нартовский ныхас, чтобы сообщить Сослану, что алдар с сыном собираются угнать его стада. Затем он вновь оборачивается птицей и летит к жене алдара, чтобы выманить у неё кресло мужа, обладавшее чудесным свойством: стоило уставшему человеку присесть на него, усталость его как рукой снимало, а резные украшения на нем звенели так, что на душе становилось легко и радостно [8, с. 414–415]. Сырдон оборачивается маленькой птицей, какой именно – чаще не указывается: ему важно, в одном случае, избежать расправы, в другом – переместиться в пространстве. А небожители превращаются в определённую птицу – орла.

Хищные птицы (орёл, ястреб, сокол, коршун)

Главным среди птиц в осетинском фольклоре считается *урссаер сау цаергас* – белоглавый чёрный орёл. В него обращается небожитель Уацилла, помогая сыну Албега добыть невесту: *Уацилла арвил арæхдæр цауы, зæгъгæ, урссаер сау цаергас йæхи фестын кодта аемае мигъау æврагъы астæумае атахти* [13, с. 386] 'Уацилла превратился в белоглавого чёрного орла, поскольку тот чаще других летает по небу, и поднялся, подобно туману, на середину облака'. В другом варианте этого кадага в орла превращается небожитель Уастырджи: *...æз та, зæгъгы, цаергасы хуызы бацаудзынæн, маesyджы фæлгуырыл (кругыл) сбаддзынæн, аемае чызг æддамае куы ракаеса, гъе уæд æй раскъæфдзынæн* [13, с. 355] '... а я, говорит, в облике орла полечу, сяду на выступ башни, и когда девушка выглянет, я похищу её'.

Он же обращает в гигантского орла Маргуса:

Æз дæ, – зæгъгы, – ахæм цаергас фестын кæндзынæн, Маргъуыс, аемае
Дæ иу базыр бараеджы нымæты йас куыд уа, – зæгъгы, –
Дæ иу зæнг тæрс бæласы къабузы йас куыд уа.
Æз дæ, – зæгъгы, – ахæм цаергас фестын кæндзынæн,
Дæ сæр, – зæгъгы, – куырдадзы хъæсдарæджы йас куыд уа,
Æз дæ ахæм цаергас фестын кæндзынæн»,
– зæгъгы [13, с. 515].

Я тебя, – говорит, – превращу в такого орла, Маргус,
Что одно твоё крыло будет размером с бурку всадника, – говорит, –
Нога твоё будет величиной с букую ветвь.
Я тебя, – говорит, – в такого орла превращу,
Что голова твоё, – говорит, – будет величиной с наковальню,
В такого орла я тебя превращу, – говорит [пер. наш].

Орёл является символом небесной силы, огня и бессмертия, «одно из наиболее распространённых обожествляемых животных – символов богов и их посланец в мифологиях различных народов мира» [14, с. 258]. В славянской мифологии – божья птица, властелин неба и царь птиц, у южных славян осуществляет функции медиатора, свободно поднимаясь в небо и спускаясь в преисподнюю. Этим объясняется амбивалентность образа: орел пользуется почитанием, но при этом имеет черты сходства с нечистой хищной птицей [15, с. 558]. С орлом в осетинских «Кадагах о Нартах» сравниваются мужественные гордые герои эпоса [8, с. 365].

Нарт Батраз, испытывая себя и доказывая, что является лучшим среди нартов, отправляется за невестой. Пройдя безводную местность, а затем и пустыню под палящим солнцем, Батраз оказывается у бескрайнего моря. Переплыв его, герой увидел, что наступил мрак: над ним летит огромный чёрный орёл, затмивший синее небо; от взмаха его крыльев сотрясается всё кругом. Батраз выпустил стальную стрелу из лука и взмолился: «Пусть эта стрела отправится вверх, а вниз упадёт сотнею» [12, с. 220]. Так и произошло. Сто стрел пронзили чёрного орла. Громадных размеров птица Рух встречается в арабском средневековом фольклоре, она способна поднять слона в когтях. В большинстве описаний у неё белое оперенье. Образ птицы Рух

возводится к персидскому симургу, либо индийской Гаруде. Пример из осетинского фольклора еще раз подтверждает наличие общего для индоевропейской мифологии художественного образа гигантской птицы.

С жанром волшебной сказки перекликаются следующие сюжеты. Ахсар и Ахсартаг в поисках трёх голубок, одну из которых они ранили, встречают орла. Увидев, что один из братьев целится в него, орёл обратился к нему: *Ма ма амар, цы пайда дын фæуыдзынаен мардаей? Фæлтау ма уадз æмæ дын искуы фæпайда уыдзынаен* [10, с. 98] ‘Не убивай меня, какой прок тебе от меня мёртвого? Лучше оставь меня, и когда-нибудь я сгложу тебя’. Затем орёл переносит одного из братьев на гору посреди моря. Там он дал юноше своё перо и сказал: *Уый-у адар артыл, æмæ куы сцæх-цæх кæна, уæд дæм зындзынаен* [10, с. 99] ‘Поднеси его к огню, и, когда оно опалится, я примчусь к тебе’. Возвращаясь домой с женой, юноша опалил перо, орёл доставил их до середины пути: появиться в селении нартов он не мог, поскольку они приходились ему кровниками. Впоследствии тот же орел спасает Дзерассу от преследования Уастырджи, перенеся ее к родителям, а через определенное время – к нартам.

Известный фольклорный мотив «змей угрожает птенцам» (водное чудовище поедает или калечит птенцов гигантской могучей птицы. Птицы бессильны перед чудовищем, но человек убивает его) распространен от Кавказа до Монголии и от Поволжья до Индийского океана, а также на севере Великих Равнин [16]. Вместе с тем, гигантская птица связана с определенной погодой. В одном из кадагов невероятных размеров орлица выводила птенцов каждый день, а змея, повадившаяся в гнездо, каждый день их съедала. Нарт Сослан спас птенцов, а те спрятали его, чтобы их мать от счастья не проглотила его. К вечеру показалась орлица: от взмахов её крыльев поднялся сильный ветер, затем начался дождь. Это были слёзы орлицы от переживаний за своих птенцов. Она учуяла Сослана, но птенцы не выдали его. Только после того, как она пообещала не есть его, они показали ей нарта. Орлица семь раз проглотила героя и столько же раз выплюнула его. В благодарность за спасение птенцов она предлагает свою помощь. Сослан просит доставить его домой. Отметим, что в указанном фольклорном мотиве (змей угрожает птенцам) чаще герой оказывается в нижнем мире, где и спасает птенцов, а их благодарная мать выносит его на землю [16]. И Нарт Сослан возвращается из страны мертвых – нижнего мира. Орлица говорит, что ей необходимо раздобыть еды на дорогу и улетает на поиски. Она принесла семь туш буйволов, семь бурдюков вина, усадила на спину нарта, и они начали свой путь. Как только они поднимались на одно подземелье (диг. *уæлзæнхæ*), Сослан закидывал в клюв орлице буйвола и бурдюк с вином. В седьмой раз орлица не наелась, и Сослан чуть было не упал. Тогда он отрезал свою икроножную мышцу и закинул в клюв орлице, та зажала её под языком. Доставив Сослана, орлица приложила мышцу к ноге героя, и его рана зажила [11, с. 545–548]. Как и в архаическом фольклоре, проанализированном Е. М. Мелетинским и демонстрирующем «глубокий синкретизм с доминированием мифа» [17, с. 45], в осетинских кадагах наблюдается жанровый синкретизм, о чем свидетельствуют приведенные сюжеты.

Особая роль отведена орлу и в сюжете о нечаянном убийстве Уырызмагом своего сына, воспитывавшегося у Донбеттыров. В вариантах говорится, что Уырызмаг собирался ненадолго отлучиться с *кувда* (пиршество, ритуальная трапеза). Как только он присел, с неба (по воле Хуыцау) устремился орёл и вонзил в него свои когти. Он поднял Уырызмага и перенёс его на камень, возвышавшийся посреди моря [18, с. 97]; *Уалынджы дын Хуыцау рауагъта бæрзонд хох Хъивалы айнагæй хины цæргæс, урс уари, æмæ Уырызмагджы йæ ныхтæ ныссагъта хæбыргæгътау æмæ йæ афардæг кодта æд куырис. Йæхæдæг æй сæрæвæрдта фурды астау ыстыр дурыл, йæхæдæг йæ базыртæ фæйлаугæ атахтис* [10, с. 243] ‘Вдруг Хуыцау выпустил с высокой горы Хъивала скалы хитрого орла, белого сокола, и вонзил он в Уырызмага свои когти, словно багры, и унес его вместе с вязанкой. Он опустил его на большой камень посреди моря, сам же, взмахивая крыльями, улетел’. В данном примере конкретизируется, откуда появляется орёл – «*бæрзонд хох Хъивалы айнагæй*», а сама птица названа *хитрым орлом*, *белым соколом*. Птица исчезает так же внезапно, как и появляется. Когда Уырызмаг спустился в царство Донбеттыров, те приняли его тепло, во время застолья он случайно остриём своего меча пронзил мальчика. Убитый горем Уырызмаг поднимается из подводного царства на камень посреди моря. И вновь появляется орёл и переносит его к дому: *Уалынджы та дын уыцы сæрвон хины цæргæс, хæбыргæгъджын*

уари, артахтис фурдмæ æмæ та дзы йæ ныхтæ ныссагъта Уырымæджы æеронд уæнты æмæ йæ фæфардæг кодта уырдаем, кæцы ранæй йæ рахаста; Уырымæджы хины уари-цæргæс æрæвæрдта, æмæ æрдиагæнгæ фæцæуы сæ хæдзармæ [10, с. 244] ‘Тем временем этот небесный **хитрый орел, с баграми сокол**, прилетел к морю, вновь вонзил свои когти в старые плечи Уырымæга и отнес его туда, откуда принес; **хитрый сокол-орел** опустил Уырымæга, и тот, сокрушаясь, отправляется домой’. Птица названа сказителем когтистым соколом, хитрым орлом, а в завершение – сложным словом *уари-цæргæс* (букв. сокол-орёл). Связь орла с морем и, в целом, с водой, Пётр Червинский считает общеиндоевропейским мифологическим мотивом, отражающимся в архаичных типах гидронимических и топонимических названий в различных индоевропейских традициях, выделяя древнехеттское название «Город Орлиной реки», обнаруживающее и другие этимологические соответствия [19, с. 18].

Переносающий героя орёл встречается и в кадаге «Как Созырыко привёл Агуну из царства мёртвых». Созырыко, убивший на охоте тура, собирался разделить тушу, как вдруг услышал грохот обрушающихся скал. Оказалось, к нему подлетел «большой горный орёл» (*«хæххон ыстыр цæргæс»*), ухватил его за плечи и перенёс на Чёрную гору. Орёл опустил Созырыко на небольшую лужайку у пещеры на высокой обрывистой скале, откуда невозможно было спуститься, и вновь улетел за тушей тура. Герой убил орла, положил на одно его крыло большой камень, развёл огонь, разделал тушу тура, из мяса приготовил шашлыки и взмолился *Хуыцау*, чтобы он дал ему возможность спуститься на землю в здравии и увидеть нартов (*Хуыцаутты Хуыцау, дзæбаехæй мын, – зæгъы, – / Зæхх æнæ мастæй ссарын кæн, / Нæртон лæджы ма мын, Хуыцау, фенын кæн!* [11, с. 426]). Наутро ему пришла в голову мысль отрезать крылья орла, привязать их к рукам и слететь со скалы, подобно птице. Ф. М. Таказов считает, что победа нарта над птицей и отрубание орлиных крыльев сближает осетинский текст с древнемесопотамским эпосом, в котором боги должны одолеть львиноголового священного орла Анзу, отломив ему крылья [4, с. 185].

В различных жанрах осетинского фольклора (чаще легендах и устных рассказах) встречается мотив похищения коршуном/ястребом маленького ребёнка. Отметим, что подобные случаи действительно встречались в жизни горских народов. В «Кадагах о Нартах» этот мотив также связан с образом Сослана и характерен для сюжета о вызволении Сосланом Шатаны из царства мёртвых. Спеша на помощь к Шатане, Сослан увидел, как орёл несёт в когтях ребенка. Герой выстрелил в птицу и вернул ребёнка матери [11, с. 491]. Шатана просит **ястреба (хъæрцыгъа)** сообщить Сослану, что нарты хотят погубить её, птица отказывается, припоминая, как Сослан прогонял его [11, с. 493]. В сюжете о гибели Сослана **хой – коршун-стервятник** подлетел к герою, предложившему отведать его мяса. Коршун отказался [11, с. 691–692].

В. И. Абаев отмечал, что излюбленными и характерными для «Нартиады» являются «парные сочетания: парные образы, парные эпитеты и сравнения» [2, с. 236]. Один из примеров был переведён им как «крик орла и вопль сокола». Данное сочетание имеет варианты, чаще употребляется применительно к образу Сослана (Созырыко): *Æлдар Сосланæн йæ разæй ыскодта æвд сæдæ æвд хатты бæхрагъæуттæ. Сослан йæхи бæхыл абадти 'мæ уарийы ахст, цæргæсы цъæхахст ыскодта. Ратардта утæппæт бæхрагъæуттæ* [8, с. 410] ‘Алдар одарил Сослана семью сотнями по семь табунами лошадей. Сослан оседлал своего коня, издал вопль сокола и крик орла. Погнал все эти конские табуны’; *Уарийы уаст æмæ сыл цæргæсы хъæр скодта Сослан Нарты рæгъæуттыл æмæ сæ скъæрын байдидта Тары фыртты бæстæм хизынмæ* [11, с. 301] ‘Воплем сокола и криком орла прокричал Сослан на нартовские табуны и погнал их на пастбища в земли сыновей Тара’; *Стæй лæппу рæгъауыл уарийы ахст, цæргæсы тъыбартъыбур ыскодта 'мæ цæ 'рымбырдкодта* [18, с. 111] ‘Затем мальчик издал на стадо вопль сокола и звук, подобный шуму крыльев орла, и собрал их’. Как следует из текстов, подобный крик издаётся героем-всадником, перегоняющим стада. В югоосетинском кадаге такой крик издаёт Батраз, спасая Уырымæга: *Батыраж азгъордта, бахæджджæ хæжары къæсармæ æмæ фæхъæр кодта – шæргæсы ахст, уарийы хъæр. Сæгтæ нызгæлдысты хæжары, бирæтæ фæсур и йæ бынаты* [12, с. 93] ‘Батырадз побегал, добрался до порога дома и крикнул воплем орла, криком сокола. Сажа (копоть) осыпалась в доме, многие на месте лишились чувств’.

В завоевательных походах нартты угоняют многочисленные стада у своих недругов. Обычно табуны охраняются мифологическими животными и птицами, среди которых орёл с железным клювом, в вариантах – каменный орёл. В кадаге «*Къантдзи фурт Сæууай æмæ Нарты Урузмæг*» Къантдз увидел на берегу моря золотого коня, сверкающего на солнце. В его поисках герой отправляется на морское дно. Увидев яркое свечение, Къантдз понял, что табун большой, но охранявший его огромный орёл с железным клювом закрыл своими крыльями небо и проглотил Къантдза вместе с лошастью [13, с. 240–241]. Хамыц встретил каменных орлов (*дурдзæргæстæ*), которых он задобрил, бросив каждому по приготовленному заранее индюку [8, с. 382]. Безымянный сын Уырызмага отправляется с последним в *балц* (завоевательный поход), чтобы пригнать скот из страны Турк. Стражами там являются конь, собака и птица (*цъиу*). Убив их, мальчик отрезает коню и собаке уши, а птице – голову [10, с. 358]. Отметим, что в русской мифологии есть птица с железным клювом и медными когтями, обитающая на острове Буяне, – гагана. Она стережёт чудесный камень Алатырь, содержащий сакральные письмена и обладающий чудесными исцеляющими свойствами. Еще одной аналогией могут служить стимфалийские птицы греческой мифологии, у которых клювы и крючковатые когти из меди. Птицы с железными клювами и когтями выполняют функции стражей, что позволяет предположить наличие общего для индоевропейского фольклора мотива.

Ласточка

Ещё одна птица, имеющая культовое значение в «Нартиаде», – *зæрватыкк* (ласточка). О мифологическом образе ласточки в осетинском фольклоре писал Ш. Ф. Джыккайтты [3, с. 52–60]. Отметим некоторые сюжетные линии, в которых фигурирует ласточка. Во-первых, птица исполняет роль вестницы в эпосе, связующего звена между нартами и небожителями, что говорит о медиаторских функциях. Так, в кадаге «Дочь неба» («Арвычызг») ласточка сообщает Барталагу о рождении сыновей, затем летит к Хуыцау (Богу) и сообщает о рождении у него внучатых племянников. Хуыцау передаёт через ласточку, что младенцев необходимо искупать в молоке диких зверей. С этим сообщением птица летит сначала к Барталагу, затем к его жене [8, с. 56]. В другом кадаге мать Маргуыдза приболела и отправила с вестью к сыну ласточку. Взамен на услугу птица попросила позволения вить гнёзда на крыльце: *Уæдæй фæстæмæ зæрватыкк хæдзæртты ахстæттæ кæны* [8, с. 308–309] ‘С тех пор ласточка вьёт гнёзда в домах’.

Нарты решили больше не молиться Хуыцау, поймали они красногрудую голубку (*сырх-дæллагхъуыр æхсинæг*), белогрудую ласточку (*урсдæллагхъуыр зæрватыкк*) и серогрудую трясогузку (*цъæхдæллагхъуыр дзывылдар*), привязали им красные нити к их хвостам и ногам и отпустили. Они поручили им лететь к Хуыцау с сообщением, что нартты более не нуждаются в нем и требуют его появления [10, с. 240].

Ласточка летит вестницей к нартам от сражённого колесом Малсага (Балцага) Сослана, тогда как орёл, которого герой просил изначально, отказывается: «Ещё большую на тебя беду! – говорит орёл. – Когда усталым я, бывало, собирался присесть в степи на холме или на дереве, тут же ты хватался за лук – чтоб пользы от него тебе не было!» [20, с. 168]. Ласточка же отвечает, что герой не заслужил смерти в одиночестве. В адыгском эпосе умирающий Соусуруко благодарит перепёлку, отказавшуюся отведать его плоти: «Пусть шум твоих крыльев при взлете наводит страх на людей, подобно удару моей плети» [21, с. 226]. В осетинском эпосе Сослан отблагодарил ласточку: «Так будь же любимицей людей! – сказал Сосрыко. Поэтому люди уважают и любят ласточек» [11, с. 768, 781].

В кадаге «Игра Созырыко» («Созырыхъойы хъазт») вестницей к сыну в царство мёртвых старик отправляет ворону, но та, найдя падаль и наевшись, уже не хочет обременять себя. Затем старик просит тонконогую трясогузку – *лыстæгкъах дзывылдар*, и та, найдя много червячков и наевшись, уселась в тепле. В третий раз старик просит ласточку. Она тут же ринулась исполнять просьбу старика и вмиг долетела до царства мёртвых. Усевшись на ворота, ласточка защелкала и сообщила сыну старика весть [11, с. 444–445].

Ласточка в эпосе выступает и как помощница. Болатбарзай сражался с гумирами (великанами). В это время вдова его брата позвала ласточку и передала ей свой волосок, чтобы та

доставила его герою. Ласточка трижды во время сражения пытается передать волосок. Лишь третья попытка увенчалась успехом: Болатбарзай, обмотав волосок вокруг мизинца, стал трижды сильнее и легко одолел гумиров [8, с. 38]. В дигорском кадаге Шатана просит ласточку полететь вестницей к Сослану, сообщить ему о том, что нартты хотят погубить её. Ласточка соглашается, вспомнив, что Шатана спасая её птенцов от кошки, искупала их в молоке и вернула в гнездо. Сомневаясь, что Сослан поверит словам ласточки, Шатана повесила ей на шею своё кольцо [11, с. 493–494]. С тех пор считается, что белая грудка ласточки – отметина от кольца Шатаны. У осетин также сохранилось поверье, будто выпавших из ласточкиного гнезда птенцов следует искупать в молоке и затем вернуть в гнездо. Вероятно, так происходило их «очищение» после выпадения из гнезда и соприкосновения с миром людей, поскольку ласточка причислялась к верхнему, божественному миру.

Мифологическая составляющая с этиологическими чертами доминирует в кадаге о дереве нарттов. Кадаг тяготеет к библейскому сюжету о всемирном потопе. В осетинском тексте, блестяще проанализированном Ш. Джыккайты, более сложный, с элементами авантюры, сюжет [3, с. 55]. Ковчег с семьей избранного Богом человека и всяческими животными плыл по бескрайней воде. Мышь прогрызла в нём дыру. Закрыть отверстие согласилась змея, с условием, что ей позволят отведать плоти. Ковчег был спасён, а змея поручила мухе узнать, чья же плоть вкуснее. Муха хотела сказать змее о ребёнке. Но ласточка, схитрив, вырвала у мухи язык. С тех пор муха только жужжит, но она успела натравить змею на ласточку. Змея бросилась на неё, но ухватила только хвост. Вот почему у ласточки хвост – раздвоенный [10, с. 15]. Согласно Ш. Ф. Джыккайты, из данного мифа можно сделать следующие выводы: ласточка умна; ласточка – благодетельница для человека и др. [3, с. 55–56]. А. Б. Бритаевой рассмотрены осетинские литературные сказки, содержащие этиологический миф и объясняющие различные «внешние поведенческие характеристики животных и птиц» [22, с. 54].

Голубь

Иногда в эпосе функцию вестника выполняет *баэлон* – голубь/голубка. Когда нартты задумали убить Уырызмага, он взял на *кувд* своего ручного голубя и предупредил Шатану, что в случае опасности выпустит его [10, с. 393; 11, с. 21]. В варианте кадага о смерти Созырыко герой отправляет к нарттам голубя с вестью о том, что он умирает. В качестве доказательства герой отколол осколок своего ножа и передал голубю. Созырыко благодарит птицу за оказанную услугу: *Ацу, аема да уынд адаемаг хуры уындау уаед!* [11, с. 691] ‘Иди, и пусть твоё появление, словно солнце, радует людей!’. Для сравнения, в карачаево-балкарском эпосе вестником о гибели Сосурука летит голубь: «Да, я часто садился на вашу яблоню, на которой растут золотые яблоки, и стряхивал их на землю, но ты ни разу не послал в меня стрелу. Я знаю, что ты – батыр Сосурук, – ответил голубь и быстрее ветра полетел к Сатанай...» [23, с. 388].

Три голубя, олицетворяющих силу, веру/уверенность/надежду и душу (*тыхы, ныфсы, уды баэлетта*) врага нарттов, сына Тара Бибыца находятся в ларце, который приносит Сослану его ручной ястреб [11, с. 312]. В варианте данного кадага друг другу противостоят Уырызмаг и Йотам [10, с. 168–173]; тексты удивляют совпадениями в указанных деталях изложения. Одолеть врага силой не удаётся, поэтому нартт расправляется с голубями, лишая, таким образом, жизни своего врага.

Три голубки фигурируют в вариантах кадага о яблоне нарттов. Дочери Донбеттыра прилетают в сад Бора в образе голубок и лакомятся чудесными яблоками [10, с. 73]. Одна из них – красавица Дзерасса, ставшая женой нарта Ахсартага. В голубку превращается племянница Бога (*Хуыцауы хараэфырт*). На краю леса Бора заглянул в родник и увидел взлетающую голубку, она заманила его в непроходимый лес, а сама поднялась на небо через открывшуюся дверь. *Борæ та ногæй ауыдта æхсинæджы. Уæд æхсинæг фæлмы астæумæ йæхи систа ‘мæ фестæди чызг. Стæй та ногæй æхсинæг фестæд* [8, с. 29] ‘Бора вновь увидел голубку. Тогда голубка поднялась в центр облака и превратилась в девушку. А затем вновь обратилась в голубку’. Интересно отметить, что в случае превращения девушки в голубку в эпосе используется лексема *æхсинæг* (дикий голубь; вяхирь, витютень), в других сюжетах фигурирует наименование *баэлон* (голубь,

голубка; по В. И. Абаеву, голубь домашний). Для сравнения, в сказочном фольклоре калмыков, тувинцев и бурят девушки превращаются в лебедей [24, с. 7].

Сова/филин

Биполярные характеристики птиц в нарттовском эпосе не редкость. Сова и/или филин также наделяются, как положительными, так и отрицательными чертами. К умиравшему Сосрыко прилетает, в числе других птиц, сова. Сосрыко и ей предлагает отведать его плоти. Сова отказывается. Тогда нарт произносит благопожелание: «Да приобретешь свойство зора моего!». Кадаг повествует, что сова с тех пор имеет свойство зора Сосрыко [11, с. 767–768]. Данный текст был опубликован в переводе на русский язык в 1871 г., оригинал не сохранился, поэтому сложно сказать, какая лексема употреблена для названия совы. В осетинском языке *уыг* – «сова», «сыч», лексема звукоподражательной природы; таковой же является *ололи* – «сова». В словаре, данном в конце издания «Нарты кадджытæ» 1989 г. указано, что *ололи* – лесная птица, чуть меньше ястреба, издает жуткий крик по ночам, когда всё вокруг погружается в тишину. Приводятся и другие её наименования – *хуырымцъиу* и *мысырыхъуг*. Первое – из сложения *хуырым* (наивный; тупой, тупоумный) + *цъиу* (птица), второе – составное из *Мысыр* (Египет) + *хъуг* (корова).

В кадаге о том, как одноглазый *уаиг* похитил Шатану, Батраз спрашивает своего коня о препятствиях, которые встречаются у них на пути. Конь подсказывает, что сделать, чтобы преодолеть препятствие. Так, чтобы пересечь непроходимый лес, необходимо рассечь надвое голову первой выглянувшей из чащи леса совы: *Иу уыг хъадаей йæ сæр радардта. Батырадз æй ныццъыкласта, æмæ уыджы сæр дыууæ дихы фæци. Хъæд феуæгъд æмæ лæгъз фæндаг фестади* [25, с. 267] ‘Один филин выглянул из лесной чащи. Батырадз ударил его, и голова филина разлетелась надвое. Лес исчез, и появилась ровная дорога’.

Ворон, ворона

Интерес представляет образ вёрона в «Нартиаде». Сын *къулбадаг ус* напрашивается в завоевательный поход, предпринятый Созырыко против Чилахсартон, дочь которого отказалась выйти за него замуж. Мальчик поднимался на гору, взлетал, словно чёрная курица (*сау карк*), на вершину, ударял ногой по горе, от горы отскакивала глыба и разбивала половину домов города. Далее Чилахсартон сравнивает его с чёрным вёроном (*халоны хуызæн*) [12, с. 195–196]. Очевидно, и словосочетание «*сау карк*» здесь также подразумевает вёрона.

В единственном тексте встречается *хабархæссæг халон* – вёрон-вестник, птица Барастыра, владыки царства мёртвых. Барастыр запрещает Сослану возвращаться домой, поскольку в следующий раз место ему будет только в аду за то, что у врат царства мёртвых он убил этого самого вёрона [11, с. 545]. Ворона сообщает Уырызмагу, находящемуся на охоте, о смерти его сына [12, с. 555]. Поэтическая формула «*сынтхъæргæнæг æмæ халонуасæг*» встречается преимущественно в дигорских текстах в значении «сообщать недобрую весть» [11, с. 837]. В мифологическом сознании осетин, действительно, устоявшимся является представление о вороньем карканье как предвестии несчастья. Услышавший карканье человек произносит: *Сызгъæрин хъалæсæй фæуас, хорз хабарттæ хæссæг у!* ‘Пой золотым голосом, будь вестником добрых событий!’, как бы нейтрализуя печальное событие, предвещаемое птичьим криком. Для сравнения, в караево-балкарской версии эпоса чёрный вёрон предвещает счастливую дорогу [23, с. 586].

Батраз, умирая, подзывает вёрона (*сынт*) и ворону (*халон*). Ворон отведал его крови, и Батраз отблагодарил его: «Если где-то будет лежат падаль, пусть раньше тебя этого никто не узнает» [12, с. 515]. А ворона осталась в стороне, ей нарт пожелал довольствоваться дохлятиной и нечистотами на окраинах села. В других текстах, напротив, за отказ отведать плоти умирающего Сосрыко вёрон благословляется героем («Да не стареть тебе никогда, а смерть все-таки имей!») С тех пор и говорят, что ворон не старости, смерти подвержен [11, с. 768]), а за то, что отведал – проклинается: *Ау, фыдуынд, æмæ фаджыстыл зил. Дæ цæраёнбонтæ æгад у адæмæн!* [11, с. 688] ‘Убирайся, безобразный, побирайся по отбросам. Всю жизнь будь ненавистен людям!’.

Домашние птицы

Карк (курица) и *гогыз* (индюк) также фигурируют в осетинском эпосе. Курица, в т. ч. в связи с определением эпического времени (*каркуасæн* – время, когда кричат петухи) [9, с. 287–288], и таких примеров в эпосе множество. Любопытно, что в кадагах о нартах и *уаигах* куры и

петухи обычно гигантских размеров. Так, в кадаге «Уырызмаг и Донбеттырта» («Уырызмаг æмæ Донбеттырта») Сырдон и Уырызмаг оказались в жилище слепого *уаиг*. Он отправляет «гостей» за курицей в смежное помещение. Сырдон вошёл и увидел кур, величиной с овец. Попробовал он поймать одну, но курица подняла его, ударяя об стены. Слепой *уаиг* просит принести ему курочку, Сырдон отвечает, что не может поймать её. Тогда *уаиг* обращается к петуху. Тот привел курицу, *уаиг* оторвал ей голову, ошипал и сварил. Сели они за стол, Уырызмаг и Сырдон не смогли вместе доесть одно крыло, а, чтобы не признаваться, сказали, что не едят птицу [8, с. 264–265].

Заключение

Таким образом, орнитоморфные образы, являясь частью зооморфного кода культуры, широко представлены в осетинском эпосе «Нарты». Рассмотренные образы можно классифицировать по типу домашних и диких птиц, отметив превалирование последних. С ними же связан фольклорный мотив превращения эпического героя в птицу, имеющий развернутую структуру в рамках «Нартиады»: небожители и нарты принимают облик орла (*цæргæс*), девушки (дочь Солнца, племянница Бога, дочери Донбеттыра) – голубок (*æхсинæг*), Сырдон – маленьких диких птиц. Хищные птицы – орёл, сокол, ястреб, коршун – наделяются в эпосе медиаторскими функциями и соотносятся с верхним миром, так же, как ласточка и голубь. Оба наименования голубя в осетинском языке – *балон* и *æхсинæг* – присутствуют в эпосе, а их использование в кадагах продиктовано определенной каноничностью.

В осетинском эпическом фольклоре содержатся следующие общеиндоевропейские мифологические мотивы: «змея угрожает птенцам»; мотив гигантской птицы, похищающей (переносящей) человека; птицы-стража с железным клювом и медными когтями. Обнаруживается характерная для индоевропейского фольклора связь образа птицы с водой.

Ключевую роль в «Нартиаде» играет белоглавый черный орел (*урссаер сау цæргæс*), всегда положительным оказывается образ ласточки (*зæрватыкк*). Сокол (*уари*), ястреб (*хъæрцыгъа*), коршун (*цъиусур*), ворон (*сынт*), сова/филин (*уыг, ололи*), трясогузка (*дзывылдар*) и др. птицы обладают биполярными характеристиками, а их образы раскрываются во взаимодействии с эпическими героями.

Литература

1. Бесолова Е. Б. Язык обрядового фольклора : специфика мышления и концептуализация символов. – Владикавказ : ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2015. – 176 с.
2. Абаев В. И. Избранные труды : Религия, фольклор, литература. – Владикавказ : Ир, 1990. – 640 с.
3. Джыккайтты Шамил. Рагон ирон цард æмæ адæмы зондахаст. Миф. Фольклор. Æгъдау. – Дзæуджыхъæу : ЦИПУ-йы рауагъдад, 2009. – 264 ф. (Джикаев Ш. Ф. Древний быт и мировоззрение осетинского народа. – Владикавказ : СОГУ, 2009. – 264 с.). (На осетинском яз.)
4. Дарчиев А. В. Об одном зооморфном воплощении Батраза // Нартоведение в XXI веке : современные парадигмы и интерпретации. – 2013. – № 2. – С. 236–244.
5. Салбиев Т. К. В поисках создателя : мифология и традиционная культура осетин. – Москва : СЕМ, 2013. – 240 с.
6. Таказов Ф. М. Архетип орла в фольклоре осетин // Скифо-аланское наследие Кавказа. – Владикавказ : СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017. – С. 182–193.
7. Нартовские сказания : Эпос осетинского народа. Кн. 4. – Владикавказ : Издательско-полиграфическое предприятие им. В. А. Гассиева, 2007. – 518 с. (На осетинском яз.)
8. Сказания о Нартах : в 5 т. Т. 1 / Сост. К. Ц. Гутиев. – Орджоникидзе : Ир, 1989. – 496 с. (На осетинском яз.)
9. Дарчиева М. В. Мифопоэтический хронотоп в осетинских эпических текстах. – Владикавказ : СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017. – 349 с.
10. Нартовские сказания : Эпос осетинского народа. Кн. 1. – Владикавказ : Ирыстон, 2003. – 592 с. (На осетинском яз.)
11. Нартовские сказания : Эпос осетинского народа. Кн. 2. – Владикавказ : Издательско-полиграфическое предприятие им. В. А. Гассиева, 2004. – 896 с. (На осетинском яз.)

12. Нартовские сказания : Эпос осетинского народа. Кн. 3. – Владикавказ : Издательско-полиграфическое предприятие им. В. А. Гассиева, 2005. – 712 с. (На осетинском яз.)
13. Нартовские сказания : Эпос осетинского народа. Кн. 5. – Владикавказ : ИПО СОИГСИ, 2010. – 766 с. (На осетинском яз.)
14. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2 т. Т. 2 / Гл. ред. С. А. Токарев. – Москва : Советская энциклопедия, 1992. – 719 с.
15. Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 3 / Под общ. ред. Н. И. Толстого. – Москва : Международные отношения, 2004. – 704 с.
16. Berezkin Yu. E. Folklore Parallels Between Siberia and South Asia and the Mythology of the Eurasian Steppes // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. – 2012. – № 40 (4). – P. 144–155.
17. Мелетинский Е. М. От мифа к литературе. – Москва : РГГУ, 2001. – 169 с.
18. Сказания о нартах : в 5 т. Т. 3 / Сост. К. Ц. Гутиев // *Мах дуг*. – 2005. – № 3. – С. 84–111. (на осетинском яз.)
19. Червинский Пётр. Фольклор и этимология. Лингвоконцептологические аспекты этносемантики. – Тернополь : Крок, 2010. – 420 с.
20. Нарты. Осетинский героический эпос : в 3 кн. Кн. 2. – Москва : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. – 432 с.
21. Нарты. Адыгский героический эпос. – Москва : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1974. – 415 с.
22. Бритаева А. Б. Этиологический миф как смыслообразующий компонент осетинской литературной сказки // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – 2019. – Т. 12. – Вып. 12. – С. 52–56.
23. Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. – Москва : Наука, 1994. – 656 с.
24. Бурякин А. А. Лебеди и журавли в фольклоре калмыков, других монголоязычных народов и народов Азии // *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова : Серия Эпосоведение*. – 2020. – № 3 (19). – С. 5–13. – DOI : 10.25587/d2484-0502-2988-g.
25. Нартовские сказания : Эпос осетинского народа. Кн. 7. – Владикавказ : ИПЦ СОИГСИ, 2012. – 617 с. (на осетинском яз.)

References

1. Besolova E. B. The language of ritual folklore: specific of thinking and conceptualizing of symbols. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Research VSC RAS and the RNO-A Publ., 2015, 176 p. (In Russ.)
2. Abaev V. I. Selected works: Religion, folklore, literature. Vladikavkaz, Ir Publ., 1990, 640 p. (In Russ.)
3. Dzhikaev Sh. F. Ancient life and worldview of the Ossetian people. Vladikavkaz, North Ossetian State University Publ., 2009, 264 p. (In Ossetian)
4. Darchieva M. V. About one zoomorphic embodiment of Batraz. *Narts Studies in the XXI century: Modern Paradigms and Interpretations*. 2013, No. 2, pp. 236–244. (In Russ.)
5. Salbiev T. K. In search of a Creator: mythology and traditional culture of the Ossetians. Moscow, SEM Publ., 2013, 240 p. (In Russ.)
6. Takazov F. M. Archetype of eagle in Ossetian folklore. In: *Scythian-Alanian heritage of the Caucasus*. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Research VSC RAS Publ., 2017, pp. 182–193. (In Russ.)
7. Narta Kadags: Epic of the Ossetian people. Book 4. Vladikavkaz, V. A. Gassiev Publishing and Printing Enterprise, 2007, 518 p. (In Ossetian)
8. Gutiev K. Ts. Nart Kadags: in 5 vol. Vol. 1. Ordzhonikidze, Ir Publ., 1989, 496 p. (In Ossetian)
9. Darchieva M. V. Mythopoetic chronotope in the Ossetian epic texts. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Research VSC RAS Publ., 2017, 349 p. (In Russ.)
10. Nart Kadags: Epic of the Ossetian people. Book 1. Vladikavkaz, Iryston Publ., 2003, 592 p. (In Ossetian)
11. Nart Kadags: Epic of the Ossetian people. Book 2. Vladikavkaz, V. A. Gassiev Publishing and Printing Enterprise, 2004, 896 p. (In Ossetian)
12. Nart Kadags: Epic of the Ossetian people. Book 3. Vladikavkaz, V. A. Gassiev Publishing and Printing Enterprise, 2005, 712 p. (In Ossetian)

13. Nart Kadags: Epic of the Ossetian people. Book 5. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Research Publ., 2010, 766 p. (In Ossetian)
14. Tokarev S. A. Myths of the peoples of the world: in 2 vol. Vol. 2. Moscow, Sovetskaya Enciklopediya Publ., 1992, 719 p. (In Russ.)
15. Tolstoy N. I. Slavic antiques. Ethnolinguistic dictionary. Vol. 3. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2004, 704 p. (In Russ.)
16. Berezkin Yu. E. Folklore Parallels Between Siberia And South Asia And The Mythology Of The Eurasian Steppes. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2012, No. 40 (4), pp. 144–155.
17. Meletinsky E. M. From myth to literature. Moscow, RSUH Publ., 2001, 169 p. (In Russ.)
18. Gutiev K. Ts. Narts Kadags: in 5 vol. Vol. 3. *Our Era*. 2005, No. 3, pp. 84–111. (In Ossetian)
19. Chervinsky Petr. Folklore and etymology. Linguo-conceptological aspects of ethnosemantics. Ternopol, Krok Publ., 2010, 420 p. (In Russ.)
20. Narts. Ossetian heroic epic: in 3 books. Book 2. Moscow, Nauka, Glavnaya redakciya vostochnoy literatury Publ., 1989, 432 p. (In Russ.)
21. Narts. Adygs heroic epic. Moscow, Nauka Publ., 1974, 415 p. (In Russ.)
22. Britaeva A. B. Etiological myth as a semantic component of the Ossetian literary tale. *Philology. Theory & Practice*. Vol. 12, iss. 12, pp. 52–56. (In Russ.)
23. Narts. Heroic epic of Balkars and Karachais. Moscow, Nauka Publ., 1994, 656 p. (In Russ.)
24. Burykin A. A. Swans and cranes in the folklore of Kalmyks and other mongolian-speaking peoples and Asian peoples. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series Epic studies*. 2020, No. 3 (19), p. 5–13. DOI: 10.25587/d2484-0502-2988-g. (In Russ.)
25. Narts Kadags: Epic of the Ossetian people. Book 7. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Research Publ., 2012, 617 p. (In Ossetian)